

А.В. ВОЙЛОШНИКОВ

Александр Войлошников

Седой

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Войлошников А. В.

Седой / А. В. Войлошников — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

СССР, 1939 год. Вор - майданник (специалист по кражам в поездах) Рыжий орудует в поездах дальнего следования, кочуя от станции к станции, попутно изымая из карманов- чемоданов «честных фраеров» и прочих не бдительных граждан честно нажитое имущество. Так бы и бороздил просторы необъятной родины джентльмен вагонной удачи Рыжий, если бы не встретил на одной из станций трех зеков: не урок, а «побегушников» - политических, по 58 статье. Знакомство с беглым политзаключенным Седым открыло глаза Рыжему на многое происходящее в его стране ...

© Войлошников А. В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. МАЙДАНЩИК	5
Глава 2. ПОБЕГУШНИКИ	8
Глава 3. ЛЮДОЕДЫ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Войлошников

СЕДОЙ

Глава 1. МАЙДАНЩИК

Сентябрь 1939 г. 12 лет.

Поезда, поезда, поезда... стук колёс, стук колёс, стук колёс... в едком дыме дрянных папирос – разговорная шелуха: про зарплату, про цены, дела... Днём и ночью идут поезда. В ритме стука колёс жизнь идёт день за днём. Для меня поезда – не транспорт, не дом. Для меня поезда, как для рыбы вода – обитаемая среда. Я майданщик, – железнодорожное создание, обитать в поездах – вот моё призвание.

И в процессе эволюции зарождаются у меня новые органы чувств – железнодорожные. Например, ментов с ревизором я за два вагона чувствую. Чем? – сам не знаю... А если с заклеенными глазами и ушами посадить меня в поезд, я узнаю класс вагона и направление поезда по запаху, как муравей! Фрукты, вина, косметика – курортные юга; дыни, потная одежда – Средняя Азия; север России – кедровые орешки, лесная ягода; Дальний Восток – солёная кета, горбуша; Забайкалье – копчёный омуль и омуль «с душком»...

Для меня любые поезда – питательная среда. В них «в поте лица» обретаю я «хлеб насущный». Как? А как уж придётся! Валет, у которого я в пристяжи ходил, за тот случай говорил: «Воровать – работа творческая, а соль творчества в том, что это не сахар. Если думаешь, что тебе всё плывёт прямо в рот – открой глаза и убедись: не сидишь ли по уши в канализации? Вор – профессия повышенного риска. Как говорят спортсмены, стоя на низком старте оглянись: не разбегается ли кто-то позади с шестом?! Получил я от Валета много мудрых мыслей и мало опыта. Но, оставшись сам на сам, в статусе сыроежки, к осени 39-го обтёрся, даже обрел кураж.

* * *

Среди ночи, стряхнув липучую дрему, покидаю я постель в купе, наполненном сонным теплом и синим полумраком ночного освещения. Выхожу, поёживаясь, в промозгло холодный тамбур, наполненный железным грохотом ходко идущего Новосибирского скорого. Старая «выдра» из мягкой медной трубки вдрызг разносилась – проскальзывает. С трудом отпираю ею тугой замок вагонной двери в нерабочем тамбуре. Рывком приоткрыв просевшую дверь, зябко вздрагиваю: в тамбур врывается с холодным ветром сырой туман осенней ночи и звонкий, резкий стук колес. Лохматые призраки ночи, размазанные туманом и скоростью, мелькают во тьме крошечной. По временам ярко алые искры от паровоза прочерчивают в полёте стремительные линии в зловещем мраке, и тьма тогда становится ещё плотней и таинственней.

Бр-р-р... не хочется в такую ночь покидать законную полку с постелью, в тёплом купе! Но... «ноблес оближ» говорил в таких случаях Валет, как Людовик какой-то, который, как и Валет, тоже умел по-французски ботать, дескать: «положение обязывает». Не для того покупал я билет в купейный, чтобы дрыхнуть! А работать кто будет – Пушкин? В купе выключаю ночной свет и в темноте прислушиваюсь к дыханию спящих: не разбудил ли кого-нибудь? Ощупываю форму военного с двумя шпалами в красных петлицах, висящую на вешалке. Форма благоухает дорогим одеколоном и красивой жизнью. Конечно, не рассчитываю я, что в ширманах лежит то, что надо, но «орднунг ист орднунг», выговаривал Валет, как и немецкий кайзер. Из кармана галифе ячменя выудил, но при раскладе, как сегодня, из-за него я мараться не намерен. Лопату я ловлю, лопату!

Встав на коленки, лезу под столик, просовываю руку под тощую железнодорожную подушку на которой, похрапывая смачно и благоухая коньячно, лежит тяжелая страшная голова военного, спящего на нижней полке, которую я вчера вечером сам же ему уступил, с радушием данайца. Быстро идёт поезд, вагон качает сильно, резко. И в такт с каждым толчком рука моя проникает всё дальше под подушку. Временами кажется, – пальцы видят не только в темноте, а даже сквозь материю. Валет говорил, что бывают щипачи, которые щипанцами зырят, как глазами. Будто бы Факир мог поводить руками возле ширманов и рассказать: где, что заначено. Чудеса бывают. Но это, скорее, один из фокусов иллюзиониста Факира, который, делая ушлые отводы, загодя ширманы щупал, потому что был не только талантливым иллюзионистом, но и фартовым ширмачом...

Но нельзя отвлекаться на постороннее, когда работаешь, а то – пальцы слепнут. Моя рука, обогнув тяжелую голову, подбирается к углу купе за подушкой. И... есть! Не-а, – не то... просто – складка. Эх, я – факиришка недоразвитый!.. не пальцы, – котята слепые... долго колуपाюсь, долго... От неудобной позы, страха, досады становится жарко. Это плохо. Если щипанцы потеют – они не скользят – липнут. А если волнуешься – движения не точные, угловатые. Это Валет говорил... Хорошо, когда он был рядом! Работал всегда с интересной выдумкой. Презирал «ходить сонником» – воровать у спящих – гордость имел профессиональную! Но мне, бестолковой сыроежке, не до гордости...

Рука упирается в угол. Ё-маё, и в углу голёк! Куда же вояк заначил лопату? Я же нагнасал, что перед сном он под подушкой мацал! Осторожно, в такт толчкам вагона, вынимаю руку из-под подушки. На обратном пути большим и указательными пальцами щупаю подушку там, где она головой прижата. Что-то, что-то... я перестаю дышать, напрягаюсь... е-е-есть!! Точно – лопата!!! Вот уголочек... кажется, пальцы различают коричневый цвет добротного кожаного бумажника, прогнутого тяжестью головы.

Но лопата не под подушкой, а внутри наволочки. «Это дело техники», говорил Валет. Расписываю писклой наволочку и начинаю новый осторожный ход рукой вовнутрь её. Сейчас – самое западло – тянуть лопату из-под головы. Ах, ты!.. позади меня на нижней полке полная женщина зашевелилась... закричала! Замираю: вдруг свет включит! – придётся когти рвать... хорошо, – в нерабочем тамбуре дверь отперта... уйду с подножки через буфера на крышу... ночью за мной не погонятся. А женщина вертится и кричит, улечься не может... что-то болит? ... наконец-то затихла. Снова в такт толчкам вагона... только в такт... миллиметр за миллиметром двигается лопата. Хорошо храпит вояк... коньячком сопящий... сладких снов тебе, вояк, крепко спящий... вот лопата на перелом пошла – наполовину вышла... если шухер – подорву с ней!

И вот, набросив курточку на плечи, с полотенцем в руках и лопатником в кармане, я тихо покидаю купе, где оставил на память о себе чемодан со старыми газетами. Жаль – хороший фал... для меня он не роскошь, а вещь необходимая, потому что на того, кто заходит в вагон без тяжелого чемодана, кондюки смотрят с недоверием, а пассажиры, как писал Зощенко: «галюши под подушку суют, а некоторые – вовсе не сывают».

Стою я с полотенцем на плече у двери свободного туалета, жду, когда поезд ход замедлит у какой-нибудь станции и в коридор позыркиваю: не выскочил ли вояк из купе? А станции нет... так и стою у окна: как бы природой любуюсь, хотя за окном тьма тьмущая и, кроме отраженного в стекле моего красивого силуэта, ничего интересного не наблюдается. Хорошо, что проводник не появляется. А ведь дрыхнет-то он потому, что остановка не скоро!

Приближаются огоньки какой-то станции. Поезд замедляет ход. Мало замедляет... небось, – без остановки? Ещё ждать – опасно: вдруг, придётся выскакивать по шухеру на крышу!.. – бр-р-р!! – не климат... а прыгать на ходу – страшно, но... эх, была не была!

Спускаюсь на подножку. Станция, – вот она, – но поезд чешет мимо! Да как быстро! Думать некогда... эх, не светит не личит! – па-ашел – бац!!! – крепко приложился ногами и

бегу, изо всех сил бегу, не в силах остановиться... ну, молоток, не упал! Чуть лишку проехал. Поезд набирает ход – без остановки прошел станцию – треугольник из красных огоньков на последнем вагоне, быстро удаляясь, вскоре исчезает, теряясь в пестрой россыпи огоньков стрелок и семафоров.

Стою на путях, обалдевший после длительного нервного напряжения и хорошей встряски от прыжка на ходу. А вокруг – тишина!.. ти-ши-на-а... слово-то какое: шелестящее... Нудный железный грохот поезда удаляется, превращаясь в затихающий рокот, потом – в журчание. Из темноты потянуло свежим ветерком и сквозь вонь железки пробивается горький запах осени. Я отхожу в сторонку, к фонарю. При его свете осматриваю лопату. Сперва сармак... ого, фартово угадал! Такие форсы я видал, когда с Валетом работал.

Моралисты говорят: считать чужие деньги неудобно... пока они не в твоём кармане. Тырю грони по значкам. Остаётся пачка справил и удостоверение. Обычно такую мульку бросаю в почтовый ящик. Но это ксивы вояка в чинах, а я таких ненавижу, как чекистов. Честные командиры все арестованы. А эта... мордастая сволочь, воняющая одеколоном, ради ордена запросто заставит замороченных ванькОв в народ шмалять!

Аккуратненько, кладу в лопатник камень, бережно опускаю в канаву с водой под насыпью. «Бульк!» – прощается лопата с шикарной жизнью... По закону Архимеда, каждое тело, погруженное в воду, если не плавает, то называется утопленником. Так и надо! Щедро платит воякам советская власть: из лопаты я с полкуса вынул! На зиму хватит...

Сниму комнатку на окраине райцентра у одинокой бабуся с коровой, буду жить, в баню городскую ходить, в гремучих цинковых шайках отмываться, в парилке парком наслаждаться, картошку с простоквашей кушать и бабусяны причитания слушать. Сойду за городского внука. А ксивы у меня в порядке. Даже школьный табель есть. Чтоб зимою не скучать, буду школу посещать.

А пока что надо с этой станции линять. Про телефон я знаю. Но как отсюда умотать, если здесь проходящие поезда не останавливаются, а местный поезд придёт днём, и выйдут к поезду три бабуся, «два весёлых гуся» и... местный мент, который не только бабуся по отчеству знает, но и гусей по меткам различает!?

Прохладный ветерок пахнет горько осенней листвой, сеном, близкой речкой... намекает на то, что хорошо б выспаться в стоге сена, а утречком купить кринку молока с хлебом и на свежую голову думать, как выбираться отсюда без randevу с ментом?

Глава 2. ПОБЕГУШНИКИ

Сентябрь. 39 г. 12 лет.

«Был бы человек, а статья найдётся».

Не успеваю отойти на сотню метров от путей, как настораживает далекий, приближающийся гул поезда. Шум ближе, громче. И из непроглядного мрака, окружающего станцию, появляется яркий треугольник из верхнего прожектора и двух нижних фонарей паровоза. Скрежеща и чугунно громохвая нескладным, длинным туловищем, на дальний станционный путь вползает товарняк. Краснуха! Её-то мне и надо, чтоб умотать по-тихому!

Могучий паровозище ФД – Феликс Дзержинский – с трудом сдерживает нетерпеливый бег разогнавшихся на перегоне тяжелых вагонов, а потом, с облегчением, отдувается, громко стравливая излишние трудовые атмосферы и, успокоившись, начинает сонно, умиротворённо попыхивать, посапывать. Замаялся трудяга с тяжелым составом на длинном перегоне...

Иду вдоль длинного состава, осматривая двери товарных вагонов. Тяжелые запоры дверей накрепко обмотаны толстой проволокой и запломбированы: ценный груз. Ни одного порожняка в составе! На открытые платформы и тормозные площадки я не смотрю: прохладно. Пройдя вдоль состава с одной стороны, обхожу его с другой, всё ещё надеясь найти не запертую дверь. Потеряв надежду попасть в вагон, в третий раз иду вдоль состава, приглядываясь к грузам на открытых платформах: нет ли там местечка, укрытого от ветра под брезентом?...

– Эй, поц!..

Вздрагиваю: оклик тихий, но неожиданный: голос-то рядом!..

– Чего гуляешь? – спрашивает, невидимый в контрастно чёрной тени вагона, худощавый мужчина в чёрной одежде. Железник? Он бы не стал говорить тихо, а окриком шуганул меня отсюда! А потому не кручу я восьмёрки о пользе ночного променада для ударной работы кишечника.

– Уехать хочу...

– А где вода на станции?

– Колонка... возле вокзала.

Несколько секунд худощавый смотрит на меня. Потом протягивает небольшое закопчённое ведёрко.

– Лады. Принеси воды – уедешь. Ходи по-тихому.

У меня достаточно своих резонов, чтобы не светиться и я, сторожко держась в тени вагонов, отправляюсь к колонке. Приняв у меня полное ведро, худощавый подходит к одному из товарных вагонов, тихо свистит сквозь зубы... и! – тяжелая щеколда, запирающая двери вагона, сама по себе поднимается вместе с проволокой, которой она обмотана и с пломбой на ней. Двери вагона медленно, бесшумно отъезжают в сторону. Худощавый подаёт ведёрко в дверь вагона, а потом, чуть опершись руками, легко, как кошка, запрыгивает в вагон и оттуда, подав мне руку, одним махом поднимает меня:

– Оп-паньки!

Дверь беззвучно закрывается, но не совсем. Худощавый просовывает руку в оставшуюся щель, поправляет на щеколде замысловато закрученную проволоку и проверяет, на ощупь, пломбу. Потом закрывает дверь плотно и щеколда, по ту сторону двери, как живая, тихо звякнув, опускается на место. Я слышу, как в темноте кто-то жадно пьёт воду.

– Бу-удет, будет, Вась... – останавливает его Худощавый, – обопьёшься... – и, взяв у невидимого в темноте Васи ведро, сам начинает пить жадно, большими глотками.

– Разбуди Тараса, пусть попьёт... – переводя дух, просит Васю Худощавый.

– Чую, шо воду лакають... – раздаётся голос, зловеще низкий, как из преисподней, но, откуда-то, сверху. Глаза привыкают к темноте и я вижу, как из под потолка спускается могучий, как паровоз ФД, огромный Тарас и припадает к ведерку. Потом ведёрко обходит ещё круг, донышко ведёрка задирается всё выше...

– Кажуть, шо вода – не хорилка та бохато не выпьешь, а ось, – на троих ведёрочко уломалы... – подводит итог водопития Тарас, когда донышко ведра поднялось выше его головы. – Прийдётся ще хлопчика посылать. Хто знае – дэ и колы будем ще стоять?...

Все прислушиваются. Тихо. Так же успокаивающе сонно посапывает паровоз.

– Дуй хлопчик! Тильке обережно! – говорит Тарас.

Я вновь крадусь к колонке, чувствуя, что три пары глаз внимательно следят за мной. Когда возвращаюсь с полным ведёрком, Вася предлагает:

– Давай отопьём, а то расплещется...

Все поочерёдно припадают к ведёрку, но, уже без охоты. В тусклом свете, сочащимся из маленьких грязных окошечек под потолком вагона, различаю я, что вагон, за исключением узкого пространства возле двери, загружен почти до потолка деревянными ящиками, а в них что-то железное, завёрнутое в провощённую бумагу.

– Лезь в кубрик! – приглашает Худощавый. Забравшись наверх, вижу, – часть ящиков вынута, а пустота заполнена соломой, на которой лежат, телогрейки.

– Ложись с краю. Места хватит. Параша, по-флотскому галюн, в том углу, – на подветренной стороне. Ссать – через щель в полу, а срать захочешь – бери конверт из бумаги, там они заготовлены, и – в него... конверт через окно выбросишь – там фанерка вынимается. Но! Дела такие – только на ходу! Инструктаж закончен. По курсу – так держать! Судя по адресам – вагон до Киева без пересадок. А тебе куда?

– А всё равно...

– Вот, и мы – туда же! Значит, нам – по-пути. А как ты возник на этой станции?

– Так... по-тихому.

– Тихо стибрил и ушел, называется – нашел? – подначивает Худощавый. Майданишь?

– Ну... когда нечаянно...

– За нечаянно бьют отчаянно!

– За битого двух небитых...

Обмениваемся затертыми прибаутками, а меня мандраж разбирает: чую, что очень метко угодил я в непонятку. Что за люди такие осторожные: не только по воду не ходят, но и хезают так аккуратно, что б и вблизи вагона не пахло? А если они ошмонают меня, когда я при таких-то форсах? Да что – ошмонают! Таким и замочить меня не в падлу, чтобы я в оборотку их не засветил... А на ходу – кричи, не кричи... Надо срочно когти рвать, пока стоим!.. Но только я полез к выходу, как Худощавый, поняв тревожно закрученную цепочку моих мыслей, стопорит меня:

– Ша, юнга! Малый назад! Харэ, харэ... не менжуйся! Не бзди, Макар, я сам боюсь! Мы побегушники, не урки. Мы – контра. Политики. Я да Тарас – пожизненные комсомольцы. И срокА тянули на краю географии, где два месяца холодно, а остальное время – очень холодно. Населяют тот, забытый Богом край, две северные народности: вОхра и зекА. Там тянули мы срокА. Да не дотянули... у меня да Тараса бессрочка. У Тараса – пятьдесят восьмая, пункты второй, восьмой, а у меня пятьдесят восьмая пункт тринадцать.

– Второй пункт – восстание, восьмой – теракт, – комментирую я пункты, а про тринадцатый пункт не слышал... Бывает, разве, такой?...

– Это, юнга, редкий пунктик... называется – «благородный.» Для тех, кого звали: «Ваше благородие». Не долго меня так звали... после производства во флотские офицеры двух месяцев не прошло, как – февральская революция!.. Повязал я на кортик красный бант, выступал на митингах. А закончилась моя флотская карьера после того, как большевички в Новорос-

сийске флот бездарно утопили. Забросил я в Чёрное море романтическую мечту сопливого детства – офицерский кортик, вместе с красным бантиком, и – за бугор! Не хотел убивать русских людей, какого бы цвета они ни были. И прожил бы всю жизнь спокойно, вдали от взбаломшной родины, если бы не прикупился на дешевый понт: лажовую амнистию офицерам, не служившим в жандармерии и не воевавшим.

Друзья предупреждали: нельзя большевикам верить! Честь и совесть для коммунистов – понятия царские, вражеские. Не поверил я друзьям, а поверил слову русского народа и в закон государства, который «обратной силы не имеет». А оказалось, что советскому государству плевать не только на честь и на совесть, но и на свои же законы! Они пятьдесят восьмую дополнили пунктом тринадцать, противоречащим не только закону, но и здравому смыслу, так как карают по этому пункту не за то, что ты сделал, а за то, что ты МОГ СДЕЛАТЬ не только до создания этого пункта, но и до рождения советской власти!

Джонотан Свифт старался придумать что-нибудь невероятно абсурдное для злобной речи липипутского адмирала, который заявлял, что измена зарождается в голове, а поэтому надо казнить каждого, у кого есть голова. Если бы Свифт ознакомился с законами советской власти, то понял бы, что по придумыванию абсурда он жалкий дилетантишко! Да только одну статью – пятьдесят восьмую, с её пунктами и подпунктами, – не придумали бы, собравшись вместе, такие выдумщики, как Свифт, Рабле, Бюргер и Кафка... Так-то, юнга! А теперь, когда ты не только знаешь, кто мы, но, думаю, веришь мне, то, надеюсь, у тебя отпало желание задавать отсюда лататы? А мы познакомились, как положено по лагерному камильфо: сперва – по статье, потом – по душе. Имя ничего не говорит о человеке, кликуха – кое-что, а, вот, статья – всё! Это и судьба и мировоззрение. Тебя как кличут?

– Рыжий...

– А меня – Седой. Почти тёзки... А у Васи пятьдесят восьмая, пункт десять. Срок детский – пятак. Часть срока он на малолетке оттянул и в зону попал после шестнадцати. Семячки остались дотянуть срок, да с блатарями у него конфликт. Тарас взял его под своё крылышко... сперва – в бригаду, потом – в побег. Нельзя было оставить его в зоне – искалечил бы его Хряп, садист уголовник. Побожился, что Ваську опарафинит и козу заделает – zenки выдавит... Я тебе, Рыжик, всё это подробно излагаю, чтобы знал ты, с кем связался и почему мы менжинские. Ориентировки на нас не только у ментов, но и у железнодорожников по линии. Хорошая премия светит тому, кто нас накроет. А темнить мне – резону нет – завтра ты нас увидишь, да вдруг – не так поймешь. А нам ты поможешь – ты ещё шкет и под ориентировки не подходишь... Интересно, откуда ты в столь юном возрасте пятьдесят восьмую по пунктам сечёшь?

– Она для меня родная. По дополнению. Я – чес... ЧСИР.

– Ну-у... – протягивает Седой, – романтическая у тебя статья: вендетта!

– Чи-иво?? – удивляюсь я.

– Вендетта – кровная месть. По правилам вендетты за отца мстят сыну. Но! – только совершеннолетнему. Детей и женщин вендетта не касается. Но советская вендетта, названная «ЧСИР», распространяется на всех членов семьи. Не понимают чекисты, по пролетарскому скудоумию, что вендетта обоюдоостра: если мстят с одной стороны, то и с другой – не заржавеет! И в какой кровавый тупик загоняет Сталин Россию – только Богу ведомо. Россия – не остров Сардиния, где все родня друг другу и вендетту исполняют строго по закону. В России такой кошмар представить трудно.

Вероятно, все выпались. И мне, после всех приключений, тоже спать не хочется. Сидим под потолком, ожидая отправления.

– Скорей бы состав пишов... покурьте бы... – сипит басом Тарас. – Скушные вы сёдни...

– Рыжий, ты с воли, вертани прикольчик свеженький! – просит Вася. – Анекдотец бы...

– Анекдотец? – переспрашиваю я не без ехидства, вспомнив о Васином пункте десять, (КРА – контрреволюционная агитация), который лепят за анекдоты. – А что такое «бекас»?

– Бекас – это вошь...

– Отстал от жизни, Вася! Бекас по буквам, это: БЕ – ломор К – анал А – некдотчики С – троят! Рассказчики – по левому берегу, слушатели – по правому. И у всех – пятьдесят восьмая пункт десять!

– Все смеются над подначкой, а Вася – первый. Легкой души человек. По соседнему пути грохочет проходящий поезд. Едва стих его шум, как на станции послышались голоса. Кто-то торопливо хрукает по щебёнке вдоль состава к последнему вагону.

– Экипаж, полундра! По местам стоять, с якоря сниматься! – шепчет Седой. Через несколько минут могучий ФД дергает состав и железный лязг долго катится вдоль состава. Поднатужившись, ещё разок рванул состав железный «Федя», потом ещё раз, и... проскальзывая в маленькие грязные окошечки товарного вагона, побежали по потолку и по ящикам жиденькие лучики света пристанционных фонарей. Постепенно разгоняясь, вагон погружается в грохочущую, кромешную тьму следующего перегона. В товарном вагоне, оглушенном своим грохотом, разговаривать трудно. Сидеть на ящиках не уютно – из щелей сифонит ветер. Покурив, все забираются в тёплую берлогу, которую Седой называет кубриком. Погружаемся в солому и, прижавшись друг к другу, укрываемся телогрейками, хранящими специфические запахи казённых дезинфекций.

Глава 3. ЛЮДОЕДЫ

*Серп и молот – смерть и голод.
(Ассоциации)*

Просыпаясь, слышу тихий разговор моих спутников, а открыв глаза, понимаю: уже день. Состав стоит. Выбравшись из кубрика, подползаю по ящикам к окошечку: вокруг – равнина, заросшая кустарником. Неподалёку – типовой дощатый железнодорожный барак, покрашенный коричневой краской и стандартное коричневое служебное помещение на четыре окна. Разъезд.

– Держи пайку, Рыжий! – Седой протягивает ржаной сухарь и крохотный кусочек сала. – А это – пайка воды... – и подаёт мне жестяную кружку, наполненную на две трети. – Мочи сухарь, заедай сало. Не взыщи за лёгкий завтрак. Вагон ресторан – в другом поезде. А вода... неизвестно когда... колодец рядом, да днём нельзя... закупают с ведром – усекут: в составе есть пассажиры.

– Ни фиги, я шкет не гордый, мне и щёбёнка не в падлу, – хорохорюсь я, хотя думаю, что при такой диете фигуру не испортишь, а, вот, ноги протянуть – запросто.

– Жисть у нас, как у Ленина: не кормят и не хоронят, – шутит Вася и добавляет мечтательно: – Эх, помянешь тут добром и лагерную баланду... – И напевает тихонечко на опереточный мотивчик:

Баланда, баланда, баланда —
Тюремная отрада!
Баланда, мне лучшего не надо!
Ты чудо из чудес,
Ты наш деликатес,
Ба-ала-анда-а!!

А Седой, усмехаясь, с пафосом цитирует: «Привычка к простой пище укрепляет здоровье, делает нас сильными перед соблазнами роскоши и освобождает нас от страхов перед превратностями судьбы!». И поясняет: – Эту мысль передал через своих учеников нам, гурманам, избалованным изысканностью лагерной баланды, философ Эпикур, живший за три столетия до Иисуса Христа!

В сереньком пасмурном свете, профильтрованном сквозь маленькие пыльные окошечки под потолком, я имею возможность рассмотреть своих спутников: чёрные зековские робы, головы наголо острижены, лица заросли щетиной. А у Васи, вместо щетины, – беленький юношеский пух. А до чего красивы Васины глаза: огромные, голубые, ясные! И лицо Васи доброе, застенчивое, освещается изнутри спокойным сиянием глаз. Теперь-то понятно мне: почему Васины глаза так раздражали гомика садиста Хряпа. А когда улыбается Вася, то кажется, что от лучезарности его улыбки светлеет в полутёмном вагоне. Седой – он и вправду седой. Странно смотрится его седина в сочетании с ловким, по юношески стройным гибким телом и совсем ещё молодым лицом. А Тарас, при дневном свете, оказывается ещё громаднее. Во всей его исхудавшей, но могучей фигуре, чувствуется огромная угрюмая силища, озлоблённая лагерем. Не без содрогания представляю я, как затрещат в его могучих ручищах, со страшными широкими ладонями, кости того, кто встанет на его пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.